

Гу Цзин высвободил руку из широкого рукава и медленно закрыл распахнутые окна, отгородившись от бушующего за стенами дождя и ветра.

Приняв от гонца письмо, завернутое в промасленную ткань, он вскрыл его, но внутри не оказалось ни единого слова. Лишь в правом нижнем углу листа красовалась ярко-алая печать, напоминающая цветок сливы, расцветший на снегу, — яркий, живой, словно источающий аромат, хотя и лишённый его.

Гу Цзин усмехнулся, и в уголках его глаз залегли мелкие морщинки.

Крепость Белых Песков, Инь Мэйсюэ... Действительно, интересный парень. Линь Чжэнсюань, получивший ранение в самый неподходящий момент, невольно оказал ему услугу.

Только что он убрал письмо, как снова услышал доклад:

— Владыка Союза, вас зовут три святых с Горы Цинсюань.

Гу Цзин кивнул, накинул плащ и шляпу, подошёл к двери и, слушая непрекращающийся шум дождя, невольно произнёс:

— Этот дождь... очистил головы многим.

Мокрый с ног до головы гонец, глядя на его силуэт, исчезающий в густой тьме, невольно вздрогнул и пробормотал:

— А может, просто залил их водой...

В Зале Нефритовой Чистоты вился дым благовоний, а свет свечей создавал мягкое сияние.

Настоятель Горы Цинсюань Минь Юньцзы и двое старцев, Янь и Сюй, облачённые в тёмно-синие даосские одеяния, восседали на главных местах в северной части зала. Их взгляды были чисты, а облик — возвышенным и отрешённым. Если бы не их выражения лиц, напоминавшие пеструю палитру красок, Гу Цзин мог бы подумать, что эти люди уже достигли бессмертия.

— Трое почтенных настоятелей пригласили меня ночью. Не могли бы вы объяснить причину?

— Сняв плащ и шляпу, он обнажил простую длинную рубаху из грубой ткани.

— Владыка Союза, прошу присесть. Мы потревожили вас в столь поздний час, поскольку есть важное дело для обсуждения, — Минь Юньцзы, опустив старческие глаза, внимательно разглядывал главу Союза боевых искусств.

Гу Цзину было сорок пять лет. Он был высоким и худощавым, с чуть смуглой кожей. На голове у него была повязана простая лента, а на поясе висела светло-зелёная нефритовая сетка. Он выглядел как скромный и учтивый учитель. Однако при ближайшем рассмотрении можно было заметить, что его брови были остры, как лезвие, а виски — выпуклыми, как барабаны. В его орлиных глазах сквозила скрытая сила, что выдавало в нём мастера внутренних практик.

Маленький послушник ловко подал чай, но трое старцев сидели неподвижно, как камни.

Гу Цзин, увидев это, не стал говорить лишнего. Его тонкая рука уверенно держала чашку с зелёным чаем, украшенную узором журавля, и он с лёгкой улыбкой смотрел на напиток, будто мог увидеть в нём цветок.

Старший слева не выдержал и фыркнул:

— Владыка Союза, у меня вспыльчивый характер, и если старший брат не может сказать вам прямо, то я хочу кое-что обсудить.

Гу Цзин перестал улыбаться и поднял взгляд:

— Не знаю, в чём я провинился, но прошу вас, старший Янь, говорите прямо.

— Когда армия Союза боевых искусств проходит мимо наших ворот, Гора Цинсюань, конечно, оказывает гостеприимство и предоставляет удобства. Но зачем проводить церемонию клятвы здесь? Не хотите ли вы объявить всему миру, что наша школа присоединилась к вам?

Гора Цинсюань, унаследовавшая традиции школы совершенствования тысячелетней давности, находится на границе между территориями праведников и злодеев, являясь водоразделом между севером и югом Центральных равнин. Это единственная нейтральная сила в мире боевых искусств.

То, что Союз боевых искусств проходит мимо Секты Врат Преисподней, — правда, но собирать девять великих школ у подножия Горы Цинсюань для клятвы — это уже перебор.

С каждым днём, по мере того как люди стекались, как реки, давление Минь Юньцзы росло, и если это продолжится, он может преждевременно достичь просветления.

Гу Цзин покачал головой:

— Старший Янь, вы ошибаетесь. Это единственный путь на территорию Пути Демонов, и мы собираемся здесь, чтобы не спугнуть змею. Кроме того, Гора Цинсюань — это святое место, и мы хотим воспользоваться его духовной энергией, чтобы обеспечить успех в этой битве.

Янь Сюйцзы усмехнулся:

— Но со стороны может показаться, что Гора Цинсюань поддерживает Союз боевых искусств и больше не может оставаться в стороне.

Гу Цзин улыбнулся:

— Мир боевых искусств повсюду, и кто может оставаться в стороне среди пяти скандх и шести пылинок?

Сюй Чжэньцзы нахмурился:

— Пять скандх и шесть пылинок — это буддийские термины. Мы, даосы, всегда стремились к отрешённости и не хотим вмешиваться в дела боевых искусств. Зачем вынуждать нас, Владыка Союза?

Гу Цзин поставил чашку:

— Я слышал, что Гора Цинсюань и Секта Врат Преисподней всегда держались в стороне друг от друга. Гора Цинсюань, как ортодоксальная даосская школа, но неясно относится к главе демонов. Неужели здесь есть какие-то секреты, которые не должны быть известны посторонним?

Янь Сюйцзы нахмурился:

— Гора Цинсюань всегда избегала конфликтов с внешним миром, не только с Сектой Врат Преисподней, но и с праведниками. Как можно утверждать, что у нас есть связь с Путём Демонов?

— О? Но я слышал, что сорок лет назад в вашей школе был некто Хуан Чжэньжэнь, у которого были... неясные отношения с предыдущим главой Секты Врат Преисподней...

Трое старцев замерли, осознав, как быстротечно время и как абсурдны дела мира.

Та женщина была как сон, а годы — как осень. В мгновение ока прошло уже сорок лет...

*

В те годы Чжу Можань ещё не был главой Секты Врат Преисподней. Это был спокойный и чистый человек, стоящий среди демонов, словно прекрасный журавль, подобный стройному бамбуку.

Этот юноша, чья улыбка была чище, чем облака на Горе Цинсюань, словно падший небесный демон, с множеством ран ворвался в роскошный персиковый лес и с лёгкостью нарушил покой даосского сердца.

Чжу Можань был по природе своей отрешённым и не вовлекался в мирские дела, но обладал обликом, способным смутить сердца. Он «увёл» за собой настоятеля Цинсюань и искусного врача, и это событие в своё время потрясло половину мира боевых искусств.

В те времена праведники распространяли слухи, что этот человек — воплощение злого духа, владеющего чарующей магией, и что один взгляд на него может лишить человека души. Некоторые даже дали ему прозвище «Бамбуковый демон».

Однако, несмотря на все слухи, всё улеглось. Прошло двадцать лет, и этот человек ушёл, а старые дела давно превратились в прах. Но кто бы мог подумать, что даже сейчас кто-то вспоминает об этом.

*

Минь Юньцзы, с мрачным лицом, молчал, передавая другим старцам мысленно: [Великий Небесный Владыка... Этот Гу — настоящий сплетник!]

Янь и Сюй ответили: [Бесконечное долголетие... Старший брат, не волнуйся, мы разберёмся с ним.]

— Хе-хе, не ожидал, что даже Владыка Союза верит этим слухам, — Сюй Чжэньцзы, поглаживая бороду, мягко улыбнулся. — Сорок лет назад действительно был ученик, который не смог преодолеть свои страсти и пал. Это была его карма, и он не смог избежать своей судьбы. Учитель изгнал его из школы, и с тех пор в Горе Цинсюань больше нет Хуана Шэня.

Гу Цзин кивнул:

— Хм...

Янь Сюйцзы поддержал:

— В большом лесу всегда найдутся разные птицы. Как можно судить о всей школе по одному человеку? У Горы Цинсюань и Секты Врат Преисподней нет никаких связей.

Гу Цзин снова кивнул:

— Хм... Хм?

Сюй Чжэньцзы добавил:

— Я также слышал, что Владыка Союза недавно взял в жёны седьмую наложницу, которая родом из Дома утех. А этот дом имеет тесные связи с Сектой Врат Преисподней.

Гу Цзин дёрнулся:

— Я думал, что старший Сюй — человек, далёкий от мирских дел, но, оказывается, вы обладаете острым взглядом и видите всё, даже мои личные дела.

— Не стоит... — Сюй Чжэньцзы скромно улыбнулся, доставая из своего одеяния потрёпанную «Летопись слухов цзянху». — Недавно я конфисковал это у одного нерадивого ученика. Не ожидал, что там найдётся столько интересного, даже такие глупости, как то, что ваш сын похож на моего ученика.

Хуа Усинь, этот мерзавец...

Костяшки Гу Цзина заскрипели, и он с мрачным лицом спросил:

— Могу я спросить, кто ваш ученик?

Сюй Чжэньцзы перестал улыбаться, и его глаза наполнились холодом:

— Мой ученик был глупым и неудачливым. Он погиб в бою с демоницей Цзян Мочоу. Не думаю, что Владыка Союза помнит такую мелкую сошку.

— ...Янь Були?! — Гу Цзин был ошеломлён. — Разве он не был учеником Дворца Чжэньян?

— Були начал учиться у меня в семь лет, но из-за его лени и распущенности он не мог войти в нашу школу. Лишь два года назад, достигнув мастерства, он был отправлен семьёй в Дворец Чжэньян, — Сюй Чжэньцзы холодно смотрел на Гу Цзина. — Янь Були не был учеником Горы Цинсюань, но он был моим учеником.

Минь Юньцзы медленно открыл глаза и наконец заговорил:

— Владыка Союза, между честными людьми не должно быть тайн. Почему пал Дворец Чжэньян, все понимают. Почему погиб молодой герой Янь, мы тоже знаем. У каждого есть своя судьба и свои испытания. Гора Цинсюань не идёт против небес, не занимается расчётами и не хочет вмешиваться в эту путаницу. Вы понимаете?